

Митрофана. Ниже мы увидим, что литературная деятельность Евсевия-Ефрема продолжалась на Афоне столь же интенсивно, как и в Царьграде.

Серия афонских рукописей и копий с них, как и следовало ожидать, начинается памятниками 90-х годов XIV в. Самая ранняя афонская рукопись, попавшая на Русь в это время, — Тактикон Никона Черногорца. С Афона ее вынес игумен новгородского Лисицкого монастыря Ларион. В 1397 г. рукопись уже была в Новгороде, и два монаха, состоявшие в штате архиепископа новгородского Иоанна, Иаков и Пимен, списали с нее список, изготoвленный, как явствует из послесловия, специально для Лисицкого монастыря,²⁹ — следовательно, афонский оригинал, как особо драгоценный, остался в архиепископском собрании рукописей Софийского собора. Так как оригинал не разыскан, то судить о том, был ли он болгарским или сербским, не приходится.

Сохранившиеся оригиналы афонских рукописей и списки с них раскрывают иной раз весьма сложные пути, по которым развивались афонорусские связи. Особенно интересна в этом плане история одного небольшого сочинения под названием «Слово постническо Максима Исповедника по вопросу и ответу». До начала XV в. оно обращалось в монастырской среде православного Востока исключительно на греческом языке. Но трудолюбивые и заинтересованные в подобных образцах литературы славянские иноки Святой Горы задумали его перевести. В 1425 г. сербский монах монастыря св. Павла Иаков Доброписец перевел «Слово». Он сделал это по просьбе уже знакомого нам Евсевия-Ефрема, «русина», который в 1420—1421 гг. жил в Константинополе в монастыре Богородицы Перивлепты и написал там Минею и Лествицу, а между 1422 и 1424 гг. перебрался из Константинополя на Афон. Сначала он жил некоторое время в Ватопеде, но к моменту перевода «Слова» несомненно жил в монастыре св. Павла.³⁰ В отдельном виде «Слово» в наших рукописях не встречается. Оно всегда входит в состав сборников, сохраняя, однако, во всех списках свое особое послесловие, т. е. о переводе именно этого «Слова», а не сборник. Форма послесловия такова, что оно явно было приписано к полученному уже готовому переводу Евсевием-Ефремом, ибо переводчика Иакова Евсевий уважительно называет «киром», а себя, наоборот, уничижительно «убогим» и «непотребным». Можно предполагать, что перевод «Слова» Евсевий-Ефрем включил в какой-то переписанный им лично сборник сочинений святых отцов и уже в составе сборника отослал его на Русь. Первооригинал сборника не сохранился или пока еще не разыскан. Но в библиотеке Троице-Сергиевой лавры есть список с него, весьма близкий по времени к дате написания оригинала (ГБЛ,

²⁹ См.: Приложение, № 11.

³⁰ Хотя место перевода «Слова» ни в одном из его списков не указывается, Иаков Доброписец и Евсевий-Ефрем несомненно жили в монастыре св. Павла. Известна рукопись слов Григория Богослова, переписанная неким Иаковым в монастыре св. Павла в 1418 г. (Стари српски записи и натписи, књ. I. Скупно их и средно Љ. Стојановић. Београд, 1902, № 223, стр. 70—71). Это, конечно, Иаков Доброписец. Он жил в Павловском монастыре постоянно. Сохранилась еще одна рукопись его руки — первый том Бесед Иоанна Златоуста, переведенных с греческого на сербский в 1426 г. В послесловии к нему Иаков подписался полным именем, с добавлением «Доброписец». Над Беседами он работал в сотрудничестве с другим писцом, Венедиктом, которому принадлежит перевод 2-го тома (ГИМ, Син. 36 и 37). В рукописи 1426 г. место, где жили Иаков Доброписец и Венедикт, не указано. Но оба тома Бесед до 1655 г., когда они поступили в московскую Патриаршую библиотеку, хранились в Павловском монастыре. Поэтому есть основания утверждать, что Иаков Доброписец жил в Павловском монастыре и что перевод «Слова» для Евсевия-Ефрема был сделан именно здесь.